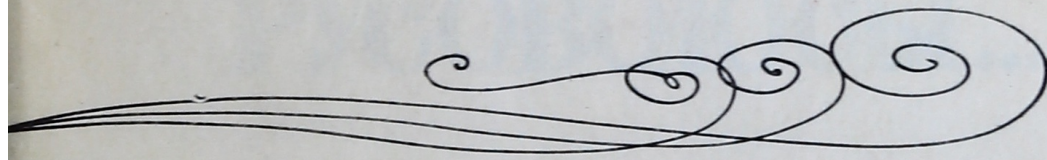

15.095K 7

ПО
Э
ЗНА

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

и

СРОКА ВОЗВРАТА

ДОЛЖНА БЫТЬ
СДЕЛАНА НЕ ПОЗЖЕ
ЧЕМ В ЭТОМ ЗДЕСЬ СРОКА

Выдач _____

23/18
30 а

15.095K

**НИКОЛАЙ
МАЙОРОВ**

**МЫ БЫЛИ
ВЫСОКИ,
РУСОВОЛОСЫ...**

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

38/3 85/8

19/1 63/8
120781-130 а

ВЕРХНЕ-
ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ
1969

БИБЛИОТЕЧКА
ПИСАТЕЛЕЙ
ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

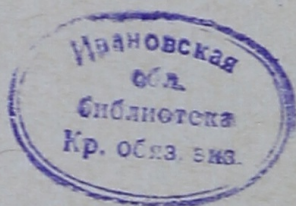
IS. 095 к.

Николай МАЙОРОВ

**МЫ БЫЛИ ВЫСОКИ,
РУСОВОЛОСЫ**

94

-- 2010

Составители

В. БОЛХОВИТИНОВ

В. ЖУКОВ

На фронтисписе

рисунок художника Н. Шеберстова

1939 г.

Иногда мне кажется, что должен существовать кинотеатр, где изо дня в день шли бы суровые кинохроникальные ленты времен Великой Отечественной войны, представляющие самые разные стороны этой народной эпопеи. И какой бы сюжет ни возникал на экране, ему обязательно отыщется «аккомпанемент» в виде того или иного стихотворения, написанного иногда знаменитым, а то и вовсе безвестным поэтом, — так много и в таких разных направлениях сделано было советской поэзией в те годы.

Где начинался этот великий подвиг нашей поэзии? Пожалуй, даже не в первый день войны, а порой в тех студенческих аудиториях, где бурлили молодые и дерзкие поэты, павшие в первые же месяцы жесточайших боев, не успевшие почти ничего сложить в эту пору, но зато уже на учебной скамье, как принято говорить, трубившие тревогу, звавшие своих сверстников взглядеться и вдуматься в ближайшее будущее.

Они были не столько первыми жертвами войны, сколько первыми ее бойцами, завещавшими потомкам устами автора этой книги — Николая Майорова:

...пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячий, верной нам земли,

Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Всего несколько лет поэтического труда досталось на долю Николая Майорова. Его творческий путь был горестно краток. Молоденький, необстрелянный солдат поэзии, он сразу попал в жестокую переделку, и несколько наивная пестрота его ранних стихов стремительно сменялась суровыми и трезвыми нотами присяги на воинскую верность своему времени, своему долгу:

Моя земля — одна моя планета.
Она живет среди ночей и звезд.
Мне говорят, что путь бойца-поэта
В ее ночах не очень будет прост.
Но я иду.

Есть у Николая Майорова стихи о том, как война украла у астронома, загнанного в бомбоубежище, небо. Но сам поэт не отдал ей, уже подступавшей к нашим границам, неба и звезд своей родины, «зеленого зелья тополей», пеннившегося на ее просторах, «лебединой повадки» волжской волны — всего мира, который:

...зовет тебя и дразнит,
как женщина с ума сводящим ртом...

Ему мечталось десятилетиями:

...ходить землей, горячею от ливня,
и славить жизнь...

Ему пришлось пройти землей, горячей от взрывов и пожаров, и отдать за нее жизнь, отдать жизнь ради миллионов жизней. Он с любовью вглядывался в посуровевшее лицо родины:

Бурлаками с звонкой бечевою
шли отлогим берегом вязы.

...Дымом потянуло из ложбины,
Ветер дол тревожил горячо.
Кисти окровавленной рябины
тяжело свисали на плечо.

«Звон» этой туго натянувшейся бечевы слышен в последних стихах поэта, подставившего свои молодые плечи под тяжкий груз, легший на его поколение и на весь наш народ в годы войны с фашизмом.

В одном из стихов Майоров мечтал, «чтоб смерть его застала у высот».

Он погиб во время первого большого наступления советских войск — 8 февраля 1942 года. Могила его затерялась, место гибели точно не установлено.

Я не знаю, у какой заставы
вдруг умолкну в завтрашнем бою...

Могли бы в огромных событиях этих и последующих лет затеряться и сами стихи молодого, почти еще не печатавшегося поэта, известного по большей части лишь своим ивановским землякам и московским студентам, многие из которых разделили его судьбу. Но нашлись у него друзья, которые если не смогли вынести с поля боя его самого, то вынесли память о нем, разбросанные строфы его стихов, не дали им «умолкнуть».

Одни из них влюбленно следили за ним еще со школьной скамьи, как его ивановский товарищ, поэт Владимир Жуков, другие принимали участие уже в его первых печатных «дебютах», как тогдашний редактор литературного отдела многотиражки Московского университета (а ныне журнала «Наука и жизнь») Виктор Болховитинов.

Им в первую очередь обязан читатель тем, что может прочесть эту книгу, взволнованно и благодарно войти в поэтический мир Николая Майорова, —

В тот мир простой, как лист тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

А. ТУРКОВ

МЫ

*Это время
трудновато для пера.*

В. Маяковский

*Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.
Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папирасы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.*

И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

АВГУСТ

Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблонь, — где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды.

Не потому ль, что тени не хватало,
Казалась мне вселенная мала?
Движения замедленны и вялы,
Во рту иссохло. Губы как зола.

Куда девать сгорающее тело?
Ближайший омут светел и глубок —
Пока трава на солнце не сгорела,
Войти в него всем телом до предела
И ощутить подошвами песок!

И в первый раз почувствовать так близко
Прохладное спасительное дно —
Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды
(А жизнь идет!), — все глубже и упорней
Стремление пробиться до воды,

До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилье, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Полдневный зной под яблонями тает
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

1939

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать.
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

1940

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

Рассвет сочился будто в сите,
Когда в звенящем серебре
Рванулся резко истребитель
Косым движением к земле.

Пилот, в бесстрашие шансы взвесив,
Хватался в спешке за рули,
Но все дороги с поднебесья
К суровой гибели вели.

И с жаждой верной не разбиться,
Спасая в выражах мотор,
Хотел он взмыть, но силу птицы
Презрели небо и простор.

Она все тело распластала,
Скользя в пространстве на крыле,
И вспышкой взрыва и металла
Жизнь догорела на земле.

...А сила ветра также крепла.
Восходом солнца цвел восток,
И на земле сквозь дымку пепла
Пробился утренний цветок.

Уже истлели тело, крылья,
Но жизнь, войдя с людьми в родство,
Презрев пред гибелью бессилье,
Свое справляло торжество.

Как прежде, люди в небо рвались
В упорной жажде высоты.
А в небе гасли, рассыпались
Звезд изумрудные цветы.

И пахли юностью побеги
Ветвей. Прорезав тишину,
Другой пилот в крутом разбеге
Взмыл в голубую вышину.

Мир был по-прежнему огромен,
Прекрасен, радужен, цветист;
И с человеческим сердцем вровень
На ветке бился первый лист.

И, не смущаясь пепла, тлена,
Крушенья дерзостной мечты,
Вновь ликовала кровь по венам
В упорной жажде высоты!

1938

РОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Приду к тебе и в памяти оставлю
Застой вещей, идущих на износ,
Спокойный сон ночного Ярославля
И древний запах бронзовых волос.
Все это так на правду непохоже
И вместе с тем понятно и светло,
Как будто я упрямее и строже
Взглянул на этот мир через стекло.
И мир встает — столетье за столетьем,
И тот художник гениален был,
Кто совершенство форм его заметил
И первый трепет жизни ощутил.
И был тот час, когда, от стужи хмурый,
И грубый корм свой поднося к губе,
И кутаясь в тепло звериной шкуры,
Он в первый раз подумал о тебе.

Он слышал голос ветра многоустый
И видел своды первозданных скал.
Влюбляясь в жизнь, он выдумал искусство
И образ твой в пещере изваял.

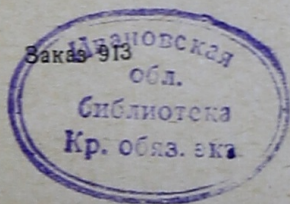
Пусть истукан массивен был и груб
И походил скорей на чью-то тушу.
Но человеку был тот идол люб:
Он в каменную складку губ
Все мастерство вложил свое и душу.
Так, впроголодь живя, кореньями питаюсь,
Он различил однажды неба цвет.

Тогда в него навек вселилась зависть
К той гамме красок. Он открыл секрет
Бессмертья их. И где б теперь он ни был,
Куда б ни шел, он всюду их искал.
Так, раз вступив в соперничество с небом,
Он навсегда к нему возревновал.
Он гальку взял и так раскрасил камень,
Такое людям бросил торжество,
Что ты сдалась, когда, припав губами
К его руке, поверила в него.
Вот потому ты много больше значишь,
Чем эта ночь в исходе сентября,
Что даже хорошо, когда ты плачешь,
Сквозь слезы о прекрасном говоря.

1939

15.095к.

2

НА РОДИНЕ

Там не ждут меня сегодня и не помнят.
Пьют чай. Стареют. Свято чтут
Тесноту пропахших пылью комнат,
Где мои ровесники растут,
Где, почти дверей плечом касаясь,
Рослые заходят мужики
И на стол клеенчатый бросают
Красные, в прожилках, кулаки.
В дымных, словно баня, плошках
Мать им щи с наваром подает.
Мухи бьют с налета об окошко.
Кочет песни ранние поет.
Только в полдень отлетевшим залпом,
Клочьями оборванного сна,
Будто снег на голову, внезапно
Падает на окна тишина.
Пахнут руки легкою ромашкой.
Спишь в траве и слышишь: от руки
Выползают стайкой на рубашку
С крохотными лапками жуки.
Мир встает такой неторопливый,
Весь в цветах, глубокий, как вода.
Даже слышно вечером, как в нивы
Первая срывается звезда.
Людям не приснится душный город,
Крик базара, ржанье лошадей,
Ровное течение разговора...
Люди спят. Распахнут резко вóрот.
Мерное дыхание грудей.

Спят они, раскинув руки-плети,
Как колосья без зерна, легки.
Густо лиловеют на рассвете
Вскинутые кверху кадыки.
Видят сны до самого рассвета
И по снам гадают —
Так верней —
Много ль предстоящим летом
Благодатных выпадет дождей?
Я запомнил желтый подоконник,
Рад тому, что видеть привелось,
Как старик, изверившись в иконе,
Полщепотки соли на ладони
Медленно и бережно пронес.
Будет дождь: роняют птицы перья
Из пустой, далекой синевы.
Он войдет в косые ваши двери
Запахом немолкнущей травы,
Полноводьем, отдыхом в работе,
С каждым часом громче и свежей.
Вы его узнаете в полете
Небо отвергающих стрижей,
В бликах молний и в гуденье стекол,
В цвете неба, в сухости ракии,
Даже в том, как торопливо сокол
Мимо ваших окон пролетит.

1938

ОДЕССКАЯ ЛЕСТНИЦА

Есть дивные пейзажи и моря,
Цветут каштаны, выросли лимоны.
А между нами, впрочем, говоря,
Я не глотал еще воды соленой.
Не видел пляжа в Сочи, не лежал
На пестрой гальке в летнюю погоду,
Еще ни разу я не провожал
В далекий рейс морского парохода,
Не слышал песен грузчиков в порту.
Не подышал я воздухом нездешним,
Не посмотрел ни разу, как цветут
И зноем наливаются черешни.
Не восходил к вершине с ледорубом,
Не знал повадок горного орла.
Еще мои мальчишеские губы
Пустыня древним зноем не сожгла.
Ташкента не узнал, не проезжал Кавказа,
Не шел гулять с ребятами на мол.
Еще одесской лестницей ни разу
Я к морю с чемоданом не сошел.
Мне двадцать лет. А Родина такая,
Что в целых сто ее не обойти.
Иди землей, прохожих окликаая,
Встречай босых рыбацек на пути,
Штурмуй ледник, броди в цветах по горло,
Ночуй в степи, не думай ни о чем,
Пока веревкой грубой не растерло
Твое на славу спитое плечо.

1939

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Когда подумать бы могли вы,
Что, выйдя к лесу за столбы,
В траву и пни ударит ливень,
А через час пойдут грибы?
И стало б видно вам отселе,
Лишь только ветви отвести,
Когда пойдет слепая зелень
Как в лихорадке лес трясти.
Такая будет благодать
Для всякой твари! Даже птицам
Вдруг не захочется летать,
Когда кругом трава дымится,
И каждый штрих непостоянен,
И лишь позднее — тишина...
Так ливень шел, смещая грани,
Меняя краски и тона.
Размыты камни. Словно бивни,
Торчат они, их мучит зуд;
А по земле, размытой ливнем,
Жуки глазастые ползут.
А детвора в косоворотках
Бежит по лужам звонким, где,
Кружась, плывет в бумажных лодках
Пристрастьем детское к воде.
Горит земля, и пахнет чаща
Дымящим пухом голубей,
И в окна входит мир, кипящий
Зеленым зельем тополей.
Вот так и хочется забыться,

Оставить книги, выйти в день
И, заложив углом страницу,
Пройтись босому по воде.
А после — дома, за столом,
Сверкая золотом оправы
Очков, рассказывать о том,
Как ливни ходят напролом,
Не разбирая, где канавы.

1939

УТРАТА

В тот день холодным было небо.
Прохожий торопил свой шаг.
Еще с карнизов спущен не был
С каймою траурною флаг.
Мороз щипал до боли лица.
И на окраине, у рвов,
Закоченевшие синицы
Валились наземь с проводов.
И не спалось. И было жестко,
Кровать как ком сухой земли.
И три морщины вперекрестку
На лбу товарища легли.
Он повернулся — в каплях пота —
И скрылся зябко в полумглу.
Метнулась тенью самолета
От лампы тень его в углу.
А утром — радио, газеты,
Печаль моей большой страны,
И всем знакомые портреты
В бордовый шелк окаймлены.

1938

БЕСЕННЕЕ

Я шел, веселый и нескладный,
Почти влюбленный, и никто
Мне не сказал в дверях парадных,
Что не застегнуто пальто.

Несло весной и чем-то теплым,
А от слободки, по низам,
Шел первый дождь,
Он бился в стекла,
Гремел в ушах,
Слепил глаза,
Летел,
Был слеп наполовину,
Почти прямой. И вместе с ним
Вступала боль сквозная в спину
Недомоганием сплошным.

В тот день еще цветов не знали,
И лишь потом на всех углах
Вразбивку бабы торговали,
Сбывая радость второпях.
Ту радость трогали и мяли,
Просили взять,
Вдыхали в нос,
На грудь прикалывали,
Брали
Поштучно,
Оптом
И вразнос.

Ее вносили к нам в квартиру,
Как лампу, ставили на стол,
Лишь я один, должно быть, в мире
Спокойно рядом с ней прошел.

Я был высок, как это небо,
Меня не трогали цветы.
Я думал о бульварах, где бы
Мне встретилась случайно ты,
С которой я лишь понаслышке,
По первой памяти знаком —
Дорогой, тронутой снежком,
Носил твои из школы книжки.

Откликнись, что ли!
Только ветер
Да дождь, идущий по прямой...
А надо вспомнить —
Мы лишь дети,
Которых снова ждут домой,
Где чай остыл,
Черствеет булка...
Так снова жизнь приходит к нам
Последней партой,
Переулком,
Где мы стояли по часам...

Так я иду, прямой, просторный,
А где-то сзади, невпопад,
Проходит детство, и валторны
Словами песни говорят.

Мир только в детстве перевозчанен,
Когда, себя не видя в нем,

Мы бредим морем, поездами,
Раскрытым настезь в сад окном,
Чужою радостью, досадой,
Зеленым льдом балтийских скал
И чьим-то слишком белым садом,
Где ливень яблоки сбивал.

Пусть неуютно в нем, неладно,
Нам снова хочется домой,
В тот мир простой, как лист тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

1938

ВЕТЕР

Сквозной, он шел наперерез
жаре. И вопреки июльской лени
он взмыл в сухое небо. Лес
упал, взмолившись, на колени.

И с неба солнце пало в заводь:
неподалеку — так светла —
с полузакрытыми глазами
на пляже женщина спала.

Был след руки, как ложе мола,
и пели путанно пески,
как ныла в этом сгибе голом
боль тяжелеющей тоски.

Тоски по лету, по воде,
по дрожи стесанных уключин,
по крику детскому. Но где
тот ветер счастьем был научен?

1938

Брату Алексею

Ты каждый день уходишь в небо,
А здесь — дома, дороги, рвы,
Галдеж, истощный запах хлеба
Да посвист праздничной травы.

И как ни рвусь я в поднебесье,
Вдоль стен по комнате кружа,
Мне не подняться выше лестниц
И крыш восьмого этажа.

Земля, она все это помнит,
И хоть заплачь, сойди с ума,
Она не пустит дальше комнат,
Как мать, ревнива и пряма.

Я за тобой закрою двери,
Взгляну на книги на столе,
Как женщине, останусь верен
Моей злопамятной земле.

И через тьму сплошных догадок
Дойду до истины с трудом,
Что мы должны сначала падать,
А высота придет потом.

Нам ремесло далось не сразу —
Из тьмы неверья, немоты
Мы пробивались, как проказа,
К подножью нашей высоты.

Шли напролом, как входят в воду:
Жизнь не давалась, но ее,
Коль не впрямую, так обходом
Мы все же брали, как свое.

Куда ни глянь — сплошные травы,
Любая боль была горька.
Для нас, нескладных и упрямых,
Жизнь не имела потолка.

1939

СТИХИ ПРО СТЕКОЛЬЩИКА

Что надо стекольщику, кроме пустых рам?
Со стульев вскакивают рыжие управдомы,
Когда старик пронесит по дворам
Ящик, набитый стеклянным громом.
А мир почти ослеп от стекла.
И люди не знают о том, — вестимо!
Что мать Серафимом его нарекла
И с ящиком по свету шляться пустила.
На нем полосатые злые порты.
В кармане краюшка вчерашнего хлеба.
Мальчишки так разевают рты,
Что можно подумать — проглотят небо.
Они сбегаются с дач к нему.
Им ящик — забава. Но что с мальчишек?
Прослышал старик, что в каком-то Крыму
Люди заводят стеклянные крыши.
Он флигель оставил. Свистя на ходу,
Пообрел ноздреватой тропой краснотала...
Стекольщик не думал, что в этом году
В лондонских рамах стекла не хватало.

1940

В ГОСПИТАЛЕ

Он попросил иссохшим ртом воды.
Уж третий день не поднимались веки.
Но жизнь еще оставила следы
В наполовину мертвом человеке.

Под гимнастеркой тяжело и грубо
Стучало сердце, и хотелось пить.
И пульс немного вздрагивал, а губы
Еще пытались что-то говорить.

Врачи ему при жизни отказали.
Он понял все: лекарства ни к чему.
В последний раз он попросил глазами —
И пить тогда не подали ему.

Хотелось выйти в улицы, на воздух.
Локтями дверь нечаянно задеть.
А ночь была такая, что при звездах
Ему не жалко было умереть.

1939

ТУТ ГОРЬКИЙ ЖИЛ

(На просмотре фильма «Детство Горького»)

Тот дом, что смотрит исподлобья
В сплетенье желтых косяков,
Где люди верят лишь в снадобья,
В костлявых ведьм да колдунов,
Где, уставая от наитий,
Когда дом в дрему погружен,
День начинают с чаепитий,
Кончают дракой и ножом;
Где дети старятся до срока,
Где только ноют да скорбят,
Где старики сидят у окон
И долго смотрят на закат,
Где все вне времени и места,
Где лишь кулак имеет вес,
Где перезревшие невесты —
Давно уж вышли из невест.
Где все на правду не похоже
И что ни делают — все злость!
Где с первобытным рвением гложут
Нужды заплеванную кость,
Где ближний ближнего обмерит,
Где счастлив тот лишь, кто в гробу,
И где уже никто не верит
Ни в ложь,
ни в правду,
ни в судьбу,
Где возведен в закон обычай
Ничтожной горсточкой задир,
Где каждый прав и пальцем тычет,

Что он плюет на здешний мир,
Где нищету сдавили стены,
Где люди треплют языком,
Что им и море по колено,
Когда карман набит битком,
И где лабазник пьет, не тужит,
Вещает миру он всему,
Что он дотоле с богом дружит,
Пока тот милостив к нему,
Где, как в игрушку, в жизнь играют,
Обставив скаредный уют,
Где детям петть не позволяют
И небо видеть не дают,
Где людям не во что одеться,
Где за душой — одни портки,
Где старики впадают в детство,
А дети метят в старики, —
Пусть я хотел, хотел до боли
Пересказать все чередом,
Я не сказал и сотой доли
Того, чем славен этот дом.
Его я видел на экране,
Он в сквозняке, он весь продрог.
Тот дом один стоит на грани,
На перекрестке двух эпох.

1938

МОИ ОТЪЕЗД

Мы рано вышли на вокзал. Хотелось плакать.
Я уезжал всего с единственным свертком
В вагоне, от которого несло кочевьем,
Чужою жизнью, спальней и еще
Таким, чего не мог бы я понять,
Когда б не заспанные лица пассажиров,
Которые глядели из окна.
Шел снег. Он был так ласков и пушист.
Так мягко падал к девушке на веки,
Что даже слезы были ни к чему.
Я посмотрел в глаза ее. Ну что же,
Еще остались письма, от которых
Мог покраснеть бы даже почтальон,
Привыкший, заслепя глаза, на память
Импровизировать несложный лепет писем,
В которых мы (нам это показалось)
О счастье некрасиво говорили.
Вот и звонок. Веселый проводник
Вздохнет — ему ведь так хотелось
Хотя бы раз сойти за пассажира.

Ну вот и все. Ее глаза просили
Остаться и уйти с вокзала в вечер,
В те дальние немые переулки,
Где люди не могли заметить слез,
Дрожанья рук и сбивчивых ответов,
Которыми я выразил любовь.
И что сказать? Я вспомнил жизнь, в которой
Так мало было настоящих дней.

Пойми меня, — с тобой я понял счастье,
Не то, что в книгах вычитали мы
И о котором в детстве нам твердили.
Я понял жизнь.

Она всегда жестока,
Как пытка непомерная, страшна,
Но это — жизнь. Войду в вагон и людям
О счастье быть влюбленным расскажу.

1939

Моя земля — одна моя планета,
Она живет среди ночей и звезд.
Мне говорят, что путь бойца-поэта
В ее ночах не очень будет прост.
Но я иду.

1938

ОБРЫВ

*Страсти крут обрыв,
Отойдите, — будьте добры.*

В. Маяковский

Через заросли полыни и крапивы
Мы шли вдвоем.
Дыханье пало с губ.
Шуршал песок, и где-то под обрывом
Кончалась ночь, которая в мозгу
Еще живет, еще пестрит и рушит
Те доводы и ссылки на ничто,
Которых нет понятнее и суше...

Я рядом шел. Она в моем пальто
Казалась лучше. Ей оно пришлось,
Как спу — фантазия и как слепому — посох.
А ветер в ночь, разбросанно и косо,
Сносил зеленый дым ее волос.

Мы шли вдвоем.
Шуршал и падал гравий.
А где-то там, за мельницей, внизу
Пал водопад, и в пенистой оправе
Обрушил в ночь блестящую слезу.

А мы все шли. И нам казалось мало.
Обрыв был близок.
Бот он.
И в пролет
Глядит скула старинного обвала.
И что-то тянет вниз.
Лукает.
Зовет.

И грусть была, какой я сроду не пил.
Немело горло в спазмах немоты.

А сердце горько таяло, как пепел
Нахлынувшей внезапно темноты.

... Бывает так: стоишь, себя не помня,
Забыв годам и письмам женским счет,
Когда все краше, ярче и огромней
Мир прожитого в памяти встает.

1940

ОТЕЛЛО

Пусть люди думают, что я трамвая жду,
В конце концов кому какое дело,
Что девушка сидит в шестом ряду
И равнодушно слушает «Отелло».

От желтой рампы люди сатанеют.
Кто может девушке напомнить там,
Что целый год ищу ее, за нею,
Как этот мавр, гоняясь по пятам.

Когда актеры позабыли роли
И — нет игры, осталась лишь душа,
Партер затих, закрыл глаза от боли
И оставался дальше не дыша.

Как передать то содроганье зала,
Когда не вскрикнуть было бы нельзя.
Одна она с достоинством зевала,
Глазами вверх на занавес скользя.

Ей не понять Шекспира и меня!
Вот крылья смерть над сценой распростер.
И, Кассио с дороги устраняя,
Кровавый мавр берет жену за горло.

Сейчас в железы закуют его,
Простится он со славой генерала,
А девушка глядела на него
И ничего в игре не понимала.

Когда ж конец трагедии? Я снова
К дверям театра ждать ее иду.
И там стою до полчаса второго.
А люди думают, что я трамвая жду.

1939

✦

В тот день, когда я был еще не твой,
В содружестве с кочевьем и вокзалом
Я думал жизнь прожить, а под Москвой
Еще был лед и пахло снегом талым.

Еще с утра по дачным этажам
Летел галдеж, детей душила зависть,
И гребни льдин, подобные ножам,
Еще в речные отмели вонзались.

Еще художник, холст в окне развесив,
Соразмерял свой вид на карандаш,
Чтоб догадаться, был ли интересен
Плашмя на землю брошенный пейзаж.

И, может быть, того весна хотела,
Что в этот день, без повода, без дела
Бродя по комнатам, не видя зла ни в чем
Стекло в окне, в которое глядела,
Ты продавила розовым плечом.

1940

Я знал одно —
Куда милей кочевье.
Спать на полу,
Читать чужие книги,
Под голову совать
Кулак иль камень,
И песни петь —
Тревожные, хмельные,
Ходить землей,
Горячею от ливня,
И славить жизнь...

1940

ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И все ж любить ее — такую!
Забуть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
Забуть последние потери,
Вокзальный свет,
Ее «прости»
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачатые.
Нащупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
И свет включить. И сдвинуть полог
Крамольной тьмы. Потом опять
Достать конверты с дальних полок,
По строчкам письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа.
Не помнить снов. Хотя б крича,
Любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнова начать.
Не спать ночей. гнать тишину из комнат.
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,

Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не достигал, —
Найти вещей извечные основы,
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

1939

ВОКЗАЛ

1

Зимою он неподражаем.
Но почему-то мы всегда
Гораздо чаще провожаем,
Чем вновь встречаем, поезда.
Знать, так положено навеки:
Иным — притворствоваться,
А мне —
Тереть платком сухие веки
И слезно думать о родне.
Смотреть в навес вокзальной крыши
И, позабывшись, не расслышать
Глухую просьбу: напиши...
Здесь все кончается прощаньем:
Фраз недосказанных оскал,
Составов змейных содроганье
И пассажирская тоска.
Здесь постороннему —
лишь скука,
Звонки да глаз чужих ожог.
Здесь слово старое — «разлука»
Звучит до странности свежо.
Здесь каждый взгляд предельно ясен
И все ж по-своему глубок.
Здесь на последнем самом часе
Целуют юношей в висок.
А пожилых целуют в проседь

(Гласит мораль житейских уз),
Поцеловать
здесь значит: сбросить
Воспоминаний тяжких груз.

2

А я, нагрузив чемоданы,
Как будто сердце опростав,
Вдруг узнаю,
Что прибыл рано
И что не подан мой состав,
И вот
Ходи вдоль длинных скосов
Вокзальных лестниц
и сумей
Забыть, что нет русоволосой
Последней девушки твоей.
И пусть она по телефону
С тобой простилась утром.
Пусть.
Ты ходишь долго по перрону,
В словах нащупывая грусть.
На слух, по памяти слагаешь
Прощальный стих... И вот опять
Ты с болью губы отрываешь
От губ,
Которых не видать...
Но лучше —
В сутолоке, в гоне
С мотива сбившихся колес
Забыть, закутавшись, в вагоне
Весенний цвет ее волос.
Ловить мелодию на память

И, перепутав имена,
Смотреть заснувшими глазами
В расщелин вагонного окна.

3

Когда прощаются, заметьте,
Отводят в сторону глаза.
Вот так и с нами было.
Ветер
Врывался в вечер, как гроза.
Он нас заметил у калитки
И, обомлев на миг, повис,
Когда, как будто по ошибке,
Мы с ней, столкнувшись, обнялись.

1938

СМЕРТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

В шершавом, вкривь надписанном конверте
Ему доставлен приговор, и он
Искал слова, вещавшие о смерти,
К которой был приговорен.
Пришли-исполнить тот приказ,
А он еще читал, и еле-еле
Скупые строчки мимо глаз,
Как журавли, цепочками летели.
Он не дошел еще до запятой,
А почему-то взоры соскользали
Со строчки той, до крайности крутой,
В которой смерть его определяли.
Как можно мыслью вдаль не унестишь,
Когда глаза, цепляясь за жизнь,
Встречают только вскинутое дуло.
Но он решил, что это пустяки,
И, будто позабыв уже о смерти,
Не дочитав томительной строки,
Полюбовался краской на конверте
И, встав во весь огромный рост,
Прошел, где сосны тихо дремлют.
В ту ночь он не увидел звезд:
Они не проникали в землю.

1938

ЛЕНИН

Вот снова он предстанет в жестах
Весь — наша воля. Сила. Страсть...
Кругом — народ. И нету места,
Где можно яблоку упасть.
Матрос. И женщина с ним рядом.
Глаза взведя на броневики,
Щекой небритою к прикладу
Седой путиловец приник.
Он рот открыл. Он хочет слышать,
Горячих глаз не сводит он
С того, о ком в газетах пишут,
Что он вильгельмовский шпион.
Он знает: это ложь. Сквозная.
Такой не выдумать вовек.
Газеты брешут, понимая,
Как нужен этот человек
Ему. Той женщине. Матросам,
Которым снился он вчера,
Где серебром бросают осыпь
В сырую ночь прожектора...
И всем он был необходим.
И бредила — в мечтах носила —
Быть может, им и только им
В тысячелетиях Россия.
И он пришел... Насквозь прокурен
В квартирах воздух, кашель зим.
И стало сразу ясно: буря
Уж где-то слышится вблизи.
Еще удар. Один. Последний...

Как галька, были дни пестры.
Гнусавый поп служил обедни.
Справляли пасху. Жгли костры.
И ждал. Дни катились быстро.
Уж на дворе октябрь гостил,
Когда с «Авроры» первый выстрел
Начало жизни возвестил.

1937

◆

Здесь все не так.
Здесь даже день короткий.
У моря тоже свой диапазон.
И мнится мне — моя уходит лодка,
Вшиваясь острым краем в горизонт.
Я буду плыть. Забуду дом и берег,
Чужие письма, встречи, адреса,
Забуду землю, где цветут поверья.
Где травы меркнут раньше, чем леса.
Мне только б плыть,
Мне надо очень мало:
Простор и море, искорку огня
Да имя то, которым называла
Ты у шального берега меня.
Вот и сейчас мне мнится —
На закате
Уходит лодка. Верный взмах весла.
И тот же голос слышится, и платье
То самое, в котором ты была.
Придет гроза,
И встанет ночь в прибое.
Последний довод к жизни истребя,
Доколе плыть я буду за тобою,
За светлым небом, блузкой голубою?
Иль, может, вовсе не было тебя?

1939

♦

Я был ее. Она еще все помнит
И скрип дверей, и поворот ключа,
Как на руках носил ее вдоль комнат,
Стихи про что-то злое бормоча.
Как ни хитри,
Она еще не смела
Забить тот шепот,
Неземную блажь,
И как бы зло она ни поглядела,
Ты за нее не раз еще отдашь
И сон, и музыку,
И книги с полок,
И даже верность будущей жены.
Она твоя, пока еще ты молод
И нет в твоём уюте тишины.

1940

Я лирикой пропах, как табаком,
и знаю — до последнего дыханья
просить ее я буду под окном,
как нищий просит подаюнья.

Мне надо б только: сумрак капал,
и у рассвета на краю
ночь, словно зверь большой,
на лапы
бросала голову свою...

1938

ДЕД

Он делал стулья и столы
и, умирать уже готовясь,
купил свечу, постлал полы,
гроб сколотил себе на совесть.

Свечу поставив на киот,
он лег поблизости с корытом
и отошел. А черный рот
так и остался незакрытым.

И два громадных кулака
легли на грудь. И тесно было
в избушке низенькой, пока
его прямое тело стыло.

1938

ВОЛК

Когда раздался выстрел, он
еще глядел в навес сарая,
в тот гиблый миг не понимая,
что смерть идет со всех сторон.

Он падал медленно под креном
косо́го резкого угла.
Еще медлительней по венам
Крoвь отворенная текла.

Сбежались люди, тишь нарушив,
плеврокoм холодногo ствола.
А под его тяжелой тушей
уже проталина цвела.

И рядом ныж, валялся ватный
у чьих-то в мех обу́тых ног,
и потеплел — в багровых пятнах —
под теплой лапою ледок...

Уже светало. Пахло хлебом,
овчиной, близким очагом.
А рядом волк лежал и в небо
смотрел тоскующим зрачком.

Он видел все: рассвет и звезды,
людей, бегущих не спеша,
и даже этот близкий воздух,
которым больше не дышать.

Голодной крови теплый запах
тревожил утреннюю рань,
и нервно сокращалась в лапах
рывками мускульная ткань.

Бежали судороги в теле,
в снег ртутью падала слеза,
а в небе синее смотрели
большие серые глаза...

1938

В ВАГОНЕ

Пространство рвали тормоза.
И ночь пока была весома,
Все пассажиры были за
То, чтоб им спалось как дома.

Лишь мне не снилось, не спалось.
Шла ночь в бреду кровавых марев
Сквозь сон, сквозь вымысел и сквозь
Гнетущий привкус дымной гари.

Все было даром, без цены,
Все было так, как не хотелось, —
Не шел рассвет, не снились сны,
Не жглось, не думалось, не пелось.

А я привык жить в этом чреве:
Здесь все не так, здесь сон не в сон.
И вся-то жизнь моя — кочевье,
Насквозь прокуренный вагон.

Здесь теснота до пота сжата
Ребром изломанной стены,
Здесь люди, словно медвежата,
Вповалку спят и видят сны.

Их где-то ждут. Для них готовят
Чаи, постели и тепло.
Смотрю в окно: ночь вздохи ловит
Сквозь запотевшее стекло.

Лишь мне осталось грустить.
И, перепутав адрес твой,
В конце пути придумать стих
Такой тревожный, бредовой...

Чтоб вы, ступая на перрон,
Познали делом, не словами,
Как пахнет женщиной вагон,
Когда та женщина не с вами.

1939

Все к лучшему. Когда прошла гроза,
Когда я в сотый раз тебе покаюсь,
Мне не страшны ни плечи, ни глаза,
Я даже губ твоих не опасаясь.

Начнешь злословить? Пригрозишь отравой?
Про нашу быль расскажешь людям ложь?
Иль пронесешь за мной худую славу
И подлецом последним назовешь?

Мне кажется, что не пройдет и года,
Как в сумерки придешь ко мне опять
Зачем-то долго медлить у комода
И пепельницей в зеркало бросать.

Почто дается буйство милым людям?
Когда пройдет оно и, наконец,
Мы все пойдем и больше бить не будем
Ни пепельниц, ни стекол, ни сердец?

1940

◆

Мне нравится твой светлый подбородок
И как ты пудру на него кладешь.
Мальчишку с девятнадцатого года
Ты театральным жестом обоймешь.

А что ему твое великолепье
И то, что мы зовем — сердечный пыл?
Дня не прошло, как в горячах на кепи
Мальчишка шлем прострелянный сменил.

Ты извини его — ведь он с дороги.
В ладони въелась дымная пыльца.
Не жди, пока последние ожоги
Сойдут с его скуластого лица.

1940

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Как снег на голову средь лета,
Как грубый окрик: «Подожди!»,
Как ослепление ярким светом,
Был он внезапен. И дожди
Ушли в беспомыслие. Оставайтесь.
Подвиньте стул. Присядьте. Вот
Мы говорим о постоянстве,
А где-то рядом снег идет.
И нет ни осени, ни лета,
Лишь снег идет.

1940

Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тетке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки,
Метаясь, жертвуя, любя
Все то, что в каждом человеке
Напоминало мне тебя.
Ну, а пока мы не в уроне
И оба молоды пока,
Ты протяни мне на ладони
Горсть самосада-табака.

1940

В ГРОЗУ

Он с моря шел, тот резкий ветер,
Полз по камням и бил в глаза.
За поворотом свай я встретил
Тебя. А с моря шла гроза.
Кричали грузчики у мола,
И было ясно: полчаса
Едва пройдет, как сон тяжелый,
И вздрогнет неба полоса.
И гром ударит по лебедкам.
Мне станет страшно самому.
Тогда, смотри, не выйди к лодкам:
В грозу и лодки ни к чему.
А ты пришла. Со мной осталась.
И я смотрел, запрятав страх,
Как небо, падая, ломалось
В твоих заплаканных глазах.
Смешалось все: вода и щебень,
Разбитый ящик, пыль, цветы.
И, как сквозные раны в небе,
Разверзлись молнии. И ты
Все поняла...

1939

КАК ВОРУЮТ НЕБО

Случайно звезды не украл дабы
Какой-нибудь праздный гуляка,
Старик никому не давал трубы,
Ее стерегла собака.

Был важен в службе хозяйский пес,
Под ним из войлока теплый настил.
Какое дело кобелю до звезд
И до прочих небесных светил?

А небом старик занимался сам —
Ночью, когда холодеет воздух,
Он подносил его ближе к глазам
И рылся в еще не остывших звездах.

Мальчишки понять не могли, засыпая:
Что ищет в небе старик ворожей?
Должно быть, ворота небесного рая,
А может быть, просто пропавших стрижей?

Он знал его лучше, чем тот квартал,
В котором живет, занимая флигель.
Он звезды, как годы, по пальцам считал —
О них он напишет умные книги.

А парень, на небо взглянув некстати,
Клялся, теребя у любимой ручки,
Что завтра сошьет он из неба платье
И подарит его глупой девчонке.

А девушке — что?
Ей приятна лесть.
Дышит парень табачным дымом.
Она готова ни пить, ни есть,
Только б на звезды глядеть с любимым.

Старик не думал, что месяц снуется
В сыром убежище, где-то в подвале,
Куда его силой соседи прогнали,
Услышит, как глухо бомбы свистят.

...Рядом труба лежит без охраны:
Собаку убило осколком снаряда.
Тот парень погиб, говорят, под Седаном,
И девушке платья теперь не надо.

А небо — в плену у стальных ястребят,
Трамваи ищут, укрыться где бы...
О горе, старик, когда у тебя
Украла целую четверть неба!

1940

ПАРИЖ ВЕСНОЙ 1940 ГОДА

В такую ночь пройдохам снится хлеб,
Они встают, уходят в скверы раньше,
А жуликам мерещится все, где б
Пристроиться к веселой кастелянше.

Что́ им война, когда они забыли
Гостиницы, где сгнили этажи,
Где, если хочешь, с женщиной лежи,
А хочешь — человеку закажи
Подать вина, что родиной из Чили.

Что́ им теперь подзвездные миры,
Тяжба пространств, кометы-величины,
Коль нет у них ни женщины, ни чина,
А есть лишь положенье вне игры.

В ушах — все ливень, сутолока, гул,
И невдомек им, запропавшим пешим,
Что дождь давно в ту сторону свернул,
Где люди под зонтами прячут плечи.

Есть теплый шарф, цветные макинтоши,
Но не для тех, кто на бульваре наг,
Тем все равно: французы или боши.
Что победителю с таких бродяг?
У них отнимут отдых,

а на кой
Им эта дрема и чужой покой?

Их выгонят на улицы под плети,
Они простудятся и будут спать во рву.
Но разве можно у таких, как эти,
Отнять родное небо и траву?

Не надо им отечества и короля,
Они в глаза не видели газеты,
Живут подачками, как будто для
Одних пройдох вращается земля
И где-то гибнут смежные планеты!

1940

✦

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И бились честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, еще — в бок:
Но на лицо не поднималась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?

Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.
А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.

1940

ОТЦАМ

Я жил в углу. Я видел только впалость
Отцовских щек. Должно быть, мало знал.
Но с детства мне уже казалось,
Что этот мир неизмеримо мал.

В нем не было ни Монте-Кристо,
Ни писем тайных с желтым сургучом.
Топили печь, и рядом с нею пристав
Перину вспарывал штыком.

Был стол в далекий угол отодвинут.
Жандарм из печки выгребал золу.
Солдат худые, сторбленные спины
Свет заслонили разом. На полу —
Ничком отец. На выцветшей иконе
Какой-то бог нахмурил важно бровь.
Отец привстал, держась за подоконник,
И выплюнул багровый зуб в ладони,
И в тех ладонях застеклилась кровь.
Так начиналось детство...

Падая, рыдая,
Как птица, билась мать.
И, наконец,
Запомнилось, как тают, пропадают
В дверях жандарм, солдаты и отец...
А дальше — путь сплошным туманом застлан.
Запомнил: только плыли облака
И пахло деревянным маслом
От желтого, как лето, косяка.

Ужасно жгло. Пробило все навывлет
Жарой и ливнем. Щедро падал свет.
Потом войну кому-то объявили,
А вот кому — запомнил дед.

Мне стал понятен смысл отцовских вех.
Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами.
Глаза мои обращены на всех.

1938

ИЗБА

Косая. Лапами в забор
Стоит. И сруб сосновый воет,
Когда ветра в нутро глухое
Заглянут, злобствуя, в упор.

Зимой вся в инее и стуже,
Ослабив стекла звонких рам,
Живот подтягивая туже,
Глядит на северный буран.

Кругом безлюдье. Хоть кричи!
Стоит, как на дороге нищий.
И тараканы стаяй рыщут
В пустой отдушине печи.

Метели подползают ближе.
И вдруг рванут из-под плетня,
Холодным языком облизнут
В хлеву хозяйского коня.

А сам хозяин, бледнолицый,
Окутан кем-то в белый холст,
Лежит в гробу на половицах,
В окамененье прям и прост.

В окошко свет скупой бросая,
Глядит луна в его судьбу,
И ветры жутко потрясают
Его сосновую избу.

Здесь, по соседству с белым гробом,
В ногах застывших мертвеца,
За полночь я родился, чтобы
Прославить мертвого отца.

Чуть брезжил свет в разбитых окнах
Вставал, заношенный до дыр,
Как сруб, глухой и душный мир,
Который был отцами проклят,
А нами перевернут был.

1938

БАЛЛАДА О ЧКАЛОВЕ

Всего неделю лишь назад
Он делал в клинике доклад.

Он сел за стол напротив нас,
Потом спросил: «Который час?»

Заговорив, шел напролом,
И стало тесно за столом.

И каждый понял, почему
Так тесно в воздухе ему.

И то ли сон, горячка то ль,
Но мы забыли вдруг про боль.

Понять нельзя и одолеть,
Как можно в этот день болеть.

Врачи забыли про больных,
И сестры зря искали их.

Под засох и на столе
Лежал как память о земле,

Где людям, вышедшим на смерть
Хоть раз в году дано болеть.

Докладчик кончил. И потом
Он раны нам схватил бинтом,

Он проводил нас до палат.
Ушел. И вот — пришел назад.

И врач склонился над столом,
Над ним — с поломанным крылом.

И было ясно, что ему
Теперь лекарства ни к чему.

И было тихо. Он лежал
И никому не возражал.

Был день, как он, и тих и прост,
И жаль, что нету в небе звезд.

И в первый раз спокойный врач
Не мог сказать сестре: «Не плачь».

1938

ПЕСНЯ

Ее сложил маляр, а впрочем,
Она, быть может, потому
Портовым нравилась рабочим,
Что за нее вели в тюрьму.
Ломали пальцы, было мало —
Крошили зуб, грозили сжечь.
Но и в огне не умирала
Живая песенная речь.
Матросы взяли песню эту
И из своей родной земли,
Бродя волной морской по свету,
В чужую землю завезли.
А тот маляр потом был сослан.
Бежал. На озере одном
Он пойман был, привязан к веслам
И вместе с лодкой шел на дно.
И, умирая, вспомнил, видно,
Свой край, и песню, и жену.

Такую песню петь не стыдно,
Коль за нее идут ко дну.

1939

ПАМЯТНИК

Им не воздвигали мраморной плиты.
На бугорке, где гроб землей накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.

И надписи отгравировать им рано —
Ведь каждый, небо видевший, читал,
Когда слова высокого чекана
Пропеллер их на небе высекал.

И хоть рекорд достигнут ими не был,
Хотя мотор и сдал на полпути —
Остановись, взгляни прямее в небо
И надпись ту, как мужество, прочти.

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память ими взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

1938

БЫЛЬ ВОЕННАЯ

Ночь склонилась над рожью,
Колос слепо ловит тьму.
Ветер тронул мелкой дрожью
Трав зеленую кошму.

Тишина котенком бродит
От реки до дальних троп.
У соседки в огороде
Дремлет ласковый укроп.

Мой товарищ курит трубку,
Говорит не торопясь.
О боях, о жаркой рубке
Начинается рассказ.

Только вот глаза прикрою,
Память снова говорит.
Под днепровскою волною
Не один товарищ спит.

И пройди по всем курганам —
Бой кровавый не забыт,
И курганы носят раны
От снарядов и копыт.

Мы не раз за трубкой вспомним
Быль военную годов,
Как в упор в каменоломню
К нам тянулось семь штыков.

Как прорвались мы гранатой —
Все снесли в огонь и дым.
Даже мост спиной горбатой
Встал в испуге на дыбы.

... Мой товарищ, мой ровесник,
мой любимый побратим,
этой славы, этой песни
никому не отдадим.

1936

ЧАСЫ

Я не знаю, час который.
Летний день уходит в дым.
Может, нам расстаться скоро,
Может, часик посидим?
Против озера большого
У смеющейся воды
Запоем с тобою снова,
Что мы оба молоды.
Не гляди в часы. Не надо.
Я часам твоим не рад.
Ниагарским водопадам
Брызги времени летят.
И подумай — кто осудит?
Прогуляем до росы.
Может, бросим и забудем
Расставанье и часы?
С ветром ночь уже шепталась,
Падал с трав кристалл росы.
Но любовь не умещалась
Ни в слова и ни в часы.

-1937

В МИХАЙЛОВСКОМ

Смотреть в камин. Следить, как уголь
Стал незаметно потухать.
И слушать, как свирецо вьюга
Стучится в ставни.

И опять
Перебирать слова, как память,
И ставить слово на ребро
И негритянскими губами
Трепать гусиное перо.
Закрывать глаза, чтоб злей и резче
Вставали в памяти твоей
Стихи, пирушки, мир и вещи,
Портреты женщин и друзей,
Цветных обоев резкий скос,
Опустошенные бутылки,
И прядь ласкаемых волос
Забытой женщины, и ссылки,
И все, чем жизнь ее пестра,
Как жизнь восточного гарема.
... И досидеться до утра
Над недописанной поэмой.

1937

АПРЕЛЬ

Ту улицу Московской называли.
Она была, пожалуй, не пряма,
Но как-то по-особому стояли
Ее простые, крепкие дома,
И был там дом с узорчатым карнизом.
Купалась в стеклах окон бирюза.
Он был насквозь распахнут и пронизан
Лучами солнца, бьющими в глаза.
По вечерам — тягуче, неумело
Из-под шершавой выгнутой руки
Шарманка что-то жалостное пела —
И женщины бросали пятаки.
Так детство шло.
А рядом, на базаре,
Народ кричал. И фокусник слепой
Проглатывал ножи за раз по паре.
Вокруг — зеваки грудились толпой.
Весна плыла по вздыбившимся лужам.
Последний снег — темнее всяких саж —
Вдруг показался лишним и ненужным
И портившим весь уличный пейзаж.
Его сгребли. И дворники, в холстовых
Передниках, его свезли туда,
Где третий день неистово, со стоном
Ломала льдины полая вода.

1937

ЧТО Я ВИДЕЛ В ДЕТСТВЕ

Косых полатей смрад и вонь.
Икона в грязной серой раме.
И среди игрушек детский конь
С распоротыми боками.
Гвоздей ворованных полсвязки.
Перила скользкие. В углу
Оглохший дед. За полночь — сказки.
И кот, уснувший на полу.
Крыльцо, запачканное охрой.
И морды чалых лошадей.
Зашитый бредень. Берег мокрый.
С травой сцепившийся репей.
На частоколе черный ворон
И грядка в сорной лебеде.
Река за хатою у бора,
Лопух, распластанный в воде.
Купанье — и попытка спеться.
На берегу сухая дрожь.
Девчонка, от которой ждешь
Улыбки, сказанной от сердца.

... Все это шло, теснилось в память,
Врывалось в жизнь мою, пока
Я не поймал в оконной раме
В тенетах крепких паука.
О, мне давно дошло до слуха:
В углу, прокисшем и глухом,
В единоборстве билась муха
С большим мохнатым пауком.

И понял я, что век от века,
Не вняв глухому зову мук,
Сосал, впиваясь в человека,
Огромный холеный паук.

И я тогда, давясь от злобы,
Забыв, что ветер гнал весну,
Клялся, упершись в стенку гроба,
В котором отчим мой уснул.
Клялся полатыми косыми,
Страданьем лет его глухих,
Отмщеньем, предками босыми,
Судьбой обиженного сына,
Уродством родичей своих, —
Что за судьбу, за ветошь бедствий
Спрошу я много у врага!

Так шло, врывалось в память детство,
Оборванное донага.

1939

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ

Врешь, сестра, —
Мне жить с тобой не вместе!
Не стыди ты парня,
Что с утра
Потянуло к розовой невесте,
Как к вратам апостола Петра.
Снится мне она в подушках белых,
В желтых лентах,
В бусах из стекла,
И идет от царственного тела
Запах еле слышного тепла.
Вот она!
Ее не жалят змеи,
К ней в ладони падают орлы,
Я б взглянул,
Да — глаз поднять не смею,
Что-то веки дюже тяжелы.
Крылья рук ее порозовели.
Чтоб скучать царевне не пришлось,
Там садовник
Гармонист Савелий
Ходит с лейкой
Промеж двух берез.
Грядок нет,
А есть трава густая,
Так густа,
Что только, охнув, лечь...
Слушай — ты!
Садовника оставим,

Не о нем завел я эту речь.
На меня повеяло ветрами.
Золотой,
Нездешней стороны.
...Дождь пошел,
И бьются стекла в раме.
На Неве мосты разведены.

1938

СОЛНЦЕ

Ходят, стонут половицы.
И опять от косяка
Тянет мне испить водицы
Чья-то белая рука.

Я стучал в окно, не чая,
Что оттуда,
 полоня,
В белом теле отсвечая,
Хлынет солнце на меня.

1936

◆

Ты мне о том не говори —
Я это слышал, слышал, слышал...
Ты лучше встань да отвори
Окно,
Ты слышишь, как по крышам
Ползут лавинами дожди...

1957

ЯРОСЛАВЛЬ

Я слышал — город есть такой,
Там небо достают рукой,
И, поднеся поближе к глазу,
С ладони вышивают разом.

Мне возразят, что это миф,
А мифу место лишь Эллада,
Но разве, город полюбив,
О нем выдумывать не надо?

Кто раз в мои стихи заглянет,
Того в тот город жить потянет, —
Как ни упрячьтесь, я заставлю
Вас всех бродить по Ярославлю.

1938

НА ВОСТОКЕ

Здесь всё пропахло выцветшим и древним,
Нагоняло смертную тоску...
Тощие монгольские деревни
Тесно жались
к красному песку.

1938

НА ТРАМВАЙНОЙ ОСТАНОВКЕ

Это было, между прочим,
На трамвайной остановке.
Среди ждавших и скучавших
Я свой номер ожидал.
На мотив забытой песни
Подбирал слова — и грустно
На гражданку в белом платье
Посмотрел почти в упор.
И она — не отвернулась,
Только вдоль трамвайных линий
Посмотрела и вздохнула.
Я подумал: дома ждут.
На крыльце иль у калитки
Кто-то встретит, потому что
Беззастенчиво и ясно
Загрустила вдруг она.
И приятно очень было
Отвести глаза и снова,
Будто так совсем случайно,
Глянуть прямо ей в лицо.
Мы смущались и краснели.
Только было нам приятно
Друг за другом незаметно
Молча взглядами следить.
И среди ждавших и скучавших
Не нашлось такого парня,
Кто бы сразу все заметил,
Осуждающе взглянув,
Ибо каждый этой ночью,

Заскучав на остановке,
Вероятно и пожалуй,
Думал только о своем.
Ибо все мы возвращались
Этой ночью с карнавала
Кто вдвоем, кто в одиночку,
Кто скучая, кто смеясь.
И, надвинув ниже кепи,
Я увидел — из проулка,
Громко лязгая на стыках,
Шел один пустой трамвай.
Из-за дальности трамвая
Было номера не видно, —
И гражданка в белом платье
Посмотрела на меня.
Я не понял, что сказали
Мне глаза ее, но только
Различил едва я номер
И узнал, что он не мой.
На гражданку в белом платье
Я взглянул — она входила
В двери узкие трамвая
И смотрела на меня.
И трамвайными звонками
Вдруг рассыпалось счастье.
Среди ждавших и скучавших
Я остался вдруг один.

УТРО

Я иду. Березы мимо
Вдоль по берегу бегут,
В облаках седого дыма
Чуть заглядывая в пруд.

За прудом упало прясло,
Ветер пьет из трав росу,
И рябина в кофте красной
Улыбается овсу.

Глубиной пугает заводь,
За осокой — пустыри
Ловят желтыми глазами
Золотой султан зари.

1936

ОСЕНЬ

Кончался август. Ветер в груши
бросал предутреннюю дрожь.
И спелый колос грустно слушал,
Как серп жевал сухую рожь.

Рябины красными кистями
свисали ниже над землей.
Качались ивы над домами,
заплакав ржавою слезой.

Но с каждым днем все холодало.
Темней и глуше день от дня.
И осень рыжим одеялом
покрыла тощие поля...

1936

ИСТОРИЯ

Она пропахла пылью вековой,
Ветрами лет. И ныне на меня
глядит бумагой древней гербовою,
случайно уцелевшей от огня.

А было всё:

и зябких листьев вздохи,
и сабель свист, и шепот конопли.
Как складки лба, изрытые отроги
легли в надбровья сплюснутой земли.

Прошли века. Но ночью вдруг я внемлю:
вновь душу рвет нам азиатский гик...
И тишина... И падают на землю
мои густые, твердые шаги.

1936

ЗВЕЗДА

Каждому — радость и страх.
Каждому — солнце и воздух.
В чьих-то воздушных руках
прыгали в небе звезды.
Только с рассветом одна
в черную землю упала, —
и над деревней заря
встала до крови ала.
Вышла надежда из дум —
долго в небе морозном
искал я свою звезду
в неуловимых звездах.

1936

Ты пишешь мне в письме, дружище,
Что сад стал гол и нелюдим,
Что ветры северные рыщут
и громко буйствуют над ним.

И туча дымом нависает,
дожди свой сказ к концу ведут.
Березка под окном косая
сгибает голову к пруду.

И ей бы вместе с листопадом
хотелось к кособору лечь.
А ночью встретиться за садом
п клен обнять у самых плеч.

Но нет: ветра упрямо клонят
ее к холодному пруду,
а так не хочется в прогоне
стоять у всех ей на виду!

И скоро инеем затянет
у берегов блестящий лед.
Ей станет холодно. Устанет —
и на колени упадет.

1936

✦

Забудем то, что полюбилось людям.
Уйдем туда, где ветер да столбы,
где лес пророс до берега. Забудем
весь этот мир отчаянной гульбы.
Извечных просьб, сплошных недомоганий,
мир мелких выгод, духоты квартир.
Забудем скуку у подъездов зданий,
где мы встречались часто. Новый мир
иных высот и помыслов распахнут, —
возьми его и ощути на вес.
Уж радостью звериной пахнет
к горе на плечи прикорнувший лес.
И мы пройдем зеленым косогором.
Там поезда идут. Гремят им вспять мосты.
И девушка уехала... А скоро
вот так же, не сказав, уедешь ты.
Тогда опять — тоска несчетных буден.
Придет сосед и вышьет за меня...
Давай уйдем. Уйдем давай. Забудем
пустую прозу завтрашнего дня.

1937

ДОМ

Когда, устав от рук, улыбок,
Пройду вдоль стенок на крыльцо,
Мне дом покажется вдруг глыбой,
Дающей заспанных жильцов.

В нем нет часов. Здесь время мерят
Совсем неточно, и к тому ж
Здесь верность — ложь. И мало верит
В свою жену неверный муж.

Им снятся сны, в которых мало
Вещей реальных, и притом
Так хорошо уткнуться ртом
В цветистый угол одеяла,

И спать, не помня губ жены —
Не все ль равно — ведь есть другие.
В том доме все заражены
Подобьем тяжкой летаргии.

1937

Не надо слов. Их много здесь говорено —
Всё перебрали, оценили здесь.
Ведь жизнь останется навеки неповторенной,
Короткой,
 как оборванная песнь.

1938

✦

Мне только б жить и видеть росчерк грубый
Твоих бровей. И пережить тот суд,
Когда глаза солгут твои, а губы
Чужое имя вслух произнесут.
Уйди. Но так, чтоб я тебя не слышал,
Не видел... Чтобы, близким не грубя,
Я дальше жил и подымался выше,
Как будто вовсе не было тебя.

1939

Я знал тебя, должно быть, не затем,
Чтоб год спустя, всему кладя начало,
Всем забытьем, всей тяжестью поэм,
Как слез полон, ты к горлу подступала,

Чтоб, как вина, ты после долго жгла
И что ни ночь — тобою б только мнилось,
Чтоб лишь к концу, не выдержав, могла
Оставить блажь и сдаться мне на милость,

Чтоб я не помнил этой тишины,
Забыл про сны, про небо и про жалость,
Чтоб ни угла, ни окон, ни жены
Мне на твоей земле не оставалось.

Но всё не так. Ты даже знать не можешь,
Где началась, где кончилась гроза.
Не так солжешь, не так ладонь положишь,
Совсем по-детски поглядишь в глаза.

А я устал. За мною столько лестниц.
Я перешел ту верную межу,
Когда все мысли сходятся на песне,
Какой, должно быть, вовсе не сложу.

1939

НА РЕКЕ

Плыву вслепую. Много не вижу,
А где-то есть конец всему и дно.
Плыву один. Всё ощутимей, ближе
Земля и небо, слитые в одно.
И только слышно, там, за поворотом
Торчащих свай, за криками людей,
Склонясь к воде с мостков дощатых, кто-то
Сухой ладонью гладит по воде.
И от запруд повадкой лебединой
Пройдет волна, и слышно, как тогда,
Обрушится серебряной лавиной
На камни пожелтевшая вода.
И хорошо, что берег так далеко.
Когда взгляну в ту сторону, едва
Его я вижу. Осторожно, боком
Туда проходит стаями плотва.
А зыбь воды приятна и легка мне...
Плотва проходит рукавом реки
И, обойдя сухой камыш и камни,
Идет за мост, где курят рыбаки,
Я оглянусь, увижу только тело
Таким, как есть, прозрачным, наяву, —
То самое, которое хотело
Касаться женщин, падать на траву,
Тонуть в воде, лежать в песке у мола...
Но знаю я — настанет день, когда
Мне в первый раз покажется тяжелой
Доньше невесомая вода.

1939

✦

Дыша табачным перегаром,
смежив усталые глаза,
я жду последнего удара
твоих ресниц, моя гроза.

Он близок, тот удар. Он близок.
Я жду, от счастья онемев,
когда ты бросишь этот вызов,
вполоборота посмотрев.

И будет он неотразим,
великолепен, неминуем, —
пощечиной иль поцелуем
он мне уж слышится вблизи.

Как ты, упрям и привередлив,
я жду...
Молчанье. Вздохи лишь.
Ударь, ударь: опасно медлить,
когда над пропастью висишь...
Окно и осень. Стены в пакле.
Ширяет ветер — лют и храбр...
Тобою дни мои пропахли,
как стеарином — канделябр.

1938

Мне снился юг и кипарисы,
косматый берег...

А внизу
каскады водопада висли
в одну громадную слезу.

Еще какой-то странный запах,
Старик с заснежьем на виске,
волн убегающие лапы
на буром вымокшем песке.

И древний опаленный камень
с резьбой искусного резца,
в грудь недр вцепившийся руками
последней хваткой мертвеца.

1938

По какой тропинке —
не припомню,
только шел я, как идут ко дну.
Словно к плахе,
было нелегко мне
подходить к забытому окну.

Вот и дом. Цветов встает засада.
Белая сыпучая сирень
протянула руки с палисада —
уцелились ветви за плетень.

И не дрогнет за дорогой тополь,
не стяхнет
холодный пот росы...
И легли в траве высокой тропы,
как плетенья девичьей косы.

1938

СТРЕМЛЕНИЕ

Мы расходились и опять встречались,
писали письма, слали адреса.
Над нами звезды робкие качались
и месяц рыжий с неба нависал.

Гремели поезда на перегонах,
ключи разлук глубоко затая,
И, не сойдясь, мы в крашенных вагонах
вновь разъезжались в разные края.

И все ж, метаясь, злобствуя, кочуя
по гулким незнакомым городам,
в конце концов стремлюсь я
и хочу я
причалить к тем же сбитым берегам.

Пусть в этом городе мне все знакомо,
но разве не приятно мне опять
за каждым поворотом, каждым домом
знакомый мир, как в детстве, узнавать...

1938

СТОЛ

Пусть не широк он. В пятнах. Пусть.
Но он стоит с таким упорством,
что забываешь сон и грусть
в уюте мизерном и черством.

С ним по соседству — абажур,
который хлопает глазами,
когда, усталый, я гляжу
на стол, заваленный стихами...

1938

Никто не спросит, не скостит,
Не упрекнет обидным словом,
Что стол мой пятнами изрыт,
Как щеки мальчика рябого.
Я спал на нем. Кому-то верил.
И писем ждал. Знать, потому,
Захлопнув поплотнее двери,
Я стал завидовать ему.
Живу с опаской. Снов не знаю.
Считаю даты. Жду весны.
А в окна, будто явь сквозная,
Летят, не задевая, сны.
Проходят дни, и все короче,
Все явственней и глуше мне
Поет мой стол, и чертят ночи
Рисунок странный на стекле.
И в тонких линиях ваянья,
Что ночь выводит по стеклу,
Так много слез и обаянья,
Пристрастья вечного к теплу, —
Что я теряюсь и немею.
Я нем почти. Почти в снегу.
Сказать хочу — и не умею,
Хочу запеть — и не могу.

1938

НА ПЛОТУ

Тихо.
Скучно.
Как в скиту.
Машет сумрак черным пледом.
И за мною на плоту
кто-то тенью ходит следом.

Связь мочальная на бревнах
в слизь размокнет, и тогда
станет слышно,
как неровно
бьет в прибрежный мол вода.

Я плыву...
Тяжелым илом
обрастает утлый плот.
Слышно, будто по стропилам
кто-то ходит взад-вперед.

Оглянусь —
и лишь увижу:
где маячат фонари, —
горизонт на пальцы нижет
кольца красные зари.

1938

ПУШКИН

Ты не видел небо Абиссинии, —
чахлая российская гроза
захлестнула болью синие,
крепко загрузившие глаза.
и на чем глазам остановиться
в этом мире, злобном и пустом,
если вся жандармская столица
указует на тебя перстом.
Если псы всех тайных отделений,
ополчившись в скученном строю,
в зверском арапчьевском равнении
тончут жизнь прекрасную твою?
...Ты сидишь, кусая злобно перья,
а ослабший северный закат
проползает комнатой до двери.
День ушел, чтоб не прийти назад!
День ушел — и жизнь опять короче:
вновь дороги, степи, деревца,
и ямщик допеть тебе не хочет
этой песни, грустной до конца.
Не на смех ли от царя досталось
юнкерские почести носить?
Хоть спросить бы, комкая усталость,
много ли тебе еще осталось
сочинять, встречаться, колесить?..

1937

В таверне дым, в кармане ни флорина.
Рембрандт ногтями стучает о стол,
Любуясь переливами графина,
Косым лучом, упавшим на подол
Красотки местной. Пиво на исходе.
Матросы просят рома, ну а ром
Теперь у бургомистров только в моде,
А моряки привыкли пить ведром.
Они сидят, нахохлившись, сутулясь,
В своем углу и вспоминают вслух
Вакханок с амстердамских улиц,
Пустых жеманниц, безыскусных шлюх.
А старый штурман, отойдя к окошку,
Едва держась, как будто невзначай,
Красотке, несшей на подносе чай,
Жмет с вожделеньем пухленькую ножку.
Глухой маньяк, желающий не меньше,
Чем этот штурман, в давке, на лету
За полфлорина амстердамских женщин
Ловить, как птиц, порхающих в порту,
Глядит, трезвея, зло на моряка...
Меж тем Рембрандт, взобравшись на подмости,
Двумя-тремя штрихами с маньяка
Сухим огрызком делает наброски.
Потом идет. Теперь проспать где бы?
Уснув, как грузчик, видит на заре
Матросами заплеванное небо
И слышит грусть шарманки во дворе.

1939

ГОГОЛЬ

1

...А ночью он присел к камину
и, пододвинув табурет,
следил, как тень ложилась клином
на мелкий шашечный паркет.

Она росла и, тьмой набухнув,
от желтых сплюснутых икон
шла коридором, ведшим в кухню,
и где-то там терялась. Он
перелистал страницы снова
и бредить стал. И чем помочь,
когда, как черт иль вий безбровый,
к окну снаружи липнет ночь,
когда кругом — тоска безлюдья,
когда такие холода,
что даже мерзнет в звонком блюде
вечор забытая вода?

И скучно, скучно так ему
сидеть, в тепло укрыв колени,
пока в отчаянном дыму,
дрожа и корчась в исступленьи,
кипят последние поленья.

Он запахнул колени пледом,
рукой скользнул на табурет,

когда, очнувшись от бреда,
нащупал глазом слабый свет
в камине. Сердце было радо
той тишине.

Светает — в пять.

Не постучавшись, без доклада
ворвется в двери день опять.

Вбегут докучливые люди,
откроют шторы, и тогда
все в том же позабытом блюде
чуть вздрогнет кольцами вода.

И с новым шорохом единым
растает на паркете тень,
и в оперенье лебедином
у ног ее забьется день..

Нет, нет, — ему не надо света!
Следить, как падают дрова,
когда по кромке табурета
рука скользит едва-едва...

В утробе пламя жажду носит
Заметить тот порыв один,
Когда сухой рукой он бросит
глухую рукопись в камин.

...Теперь он стар. Он все прощает
и, прослезясь, глядит туда,
где пламя жадно поглощает
листы последнего труда.

КАК Я ЛЮБИЛ

Как я любил, о том расскажут после.
Но ведь искусство жить совсем не в том,
Чтоб ловко, мать, уметь казаться взрослым
И женщину любить с красивым ртом.

Все это было и давно минуло.
Любовь коверкала, ломала, жгла
И — кончилось. И наша Мариула
С бродячими цыганами ушла.

Нам песни петь, а ей сквозь снег и слякоть
Водить медведя на цепи, навзрыд
Кричать в лицо прохожим, но не плакать,
Мир и от слез не вздрогнет, устоит.

На третьей полке сны запрещены.
Худой, небритый, дюже злой от хмеля,
Спал Емельян вблизи чужой жены
В сырую ночь под первое апреля.
Ему приснилась девка у столба,
В веснушках нос, густые бабьи косы.
Вагон дрожал, как старая пзба,
Поставленная кем-то на колеса.

1939

КОМНАТА

Вот она. Возьми ее в ладони
и согрей. Потом — одушеви.
Путано. Тревожно. Как в вагоне,
до ногтей прокуренном, — живи.

Так живи,
 чтоб каждый день твой выжил
из дремотной комнатной пыльцы,
чтобы где-то этажом лишь ниже
про тебя злословили жильцы:
тети в кофтах. Пожилые дяди.

Так живи, чтоб плакать привелось
ради дружбы с песнею и ради
чьей-то пряди спутанных волос.

Ночь пройдет. Она заденет краем
абажур. А ты останься нем.
Тени гибнут. Горбятся. Играют.
Тени умирают на стене.

1940

✦

Я с поезда. Непроспанный, глухой.
В кашне измятом, заткнутом за пояс.
По голове погладь меня рукой.
Примись ругать. Обрато шли на поезд.
Грозись бедой, невыгодой, концом.
Где б ни была — в толпе или в вагоне, —

Я все равно найду,
Уткнусь лицом
В твои, как небо, светлые
Ладони.

1940

ХУДОЖНИК

Ник. Шеберстову

Одно художник в сердце носит:
на глаз проверенным мазком
пейзаж плашмя на землю
бросить
и так оставить. А потом
Всё взвесить, высчитать,
измерить,
насытиться ошибкой власть,
почти узнав, почти поверив,
к концу опять в безверье впасть.
И так все дни.

И с риском равным
быть узанным, взглянуть в окно.
Весь мир
принять вдруг за подрамник,
в котором люди — полотно.
И дать такую волю кисти,
так передать следы земли,
чтоб в полотне живые листья
шумели, падали, цвели.

1939

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Неужто мы разучимся любить
и в праздники, раскинувши диваны,
начнем встречать гостей и церемонно пить
холодные кавказские нарзаны?
Отяжелеем. Станет слух наш слаб.
Мычать мы будем вяло и по-бычьи.
И будем принимать за женщину мы шкап
и обнимать его в бесполом безразличьи.
Цепляясь за разваленный уют,
мы в пот впадем, в безудержное мленье.
Кастратами потомки назовут
стареющее наше поколение.
Без жалости нас время истребит.
Забудут нас. И до обиды грубо
над нами будет кем-то вбит
кондовый крест из тела дуба.
За то, что мы росли и чахли
в архивах, в мгле библиотек,
лекарством руки наши пахли
и были бледны кромки век.
За то, что нами был утрачен
сан человеческий; что, скопцы,
мы понимали мир иначе,
чем завещали нам отцы.
Нам это долго не простится,
И не один минует век,
Пока опять не народятся
забытый нами Человек.

РЕВНОСТЬ

Что вспомнил я?.. Самцов тупую похоть,
чужую нежность, ревности петлю
иль руку, обнаженную по локоть,
той женщины, с которой я не сплю?

Но что б ни вспомнил —
я тебя не видел.
Простое любопытство истребя,
я даже пальцем, жестом не обидел, —
лишь взгляд отвел в восторге от тебя.

Я вздрогнул лишь. И вновь, как полумертвый,
я в третий раз пытался подойти
к твоим рукам и вздохам, и в четвертый
почти что подошел. Почти.

Я знал тебя. Ты здесь. Ты где-то рядом.
Я знал, что расстояние — как и смерть —
между прикосновением и взглядом
не каждому дано преодолеть.

И я прошел. Не задевая. Мимо.
Забыв дышать. Шагами мертвеца.
Так с папирос — почти неразличимы —
косые струйки розового дыма
проходят мимо твоего лица.

Я знать хочу — я вовсе не ревную, —
придет ли тот герой, кому, смеясь,
ты разрешишь любить тебя вплотную,
касаний грубых пальцев не боясь?

Всё просто так:
чужие видеть губы,
хотеть касаться их и, не любя,
одной рукой,
 одним движеньем грубым,
одним лишь жестом
 взять суметь тебя.

1939

С чьей жизнью
жизнь свою соизмерять?
Любая жизнь, наверно, что-то стоит...
Здесь каждый любит ближнего ругать
Для своего лишь теплого покоя.

1938

ЭПИТАФИЯ

Прохожий,
у ног твоих могила неизвестного поэта,
К концу жизни он был в долгах,
как в веснушках.
Его сосед — неумимый весельчак,
Был почти что единственным читателем
его прекрасных стихов.

В них было много девушек и женщин, и от них,
страдающих подагрой,
Шел винный запах.
Многие усмотрели в этом
Пример безнравственности и давно всем надоевшей
богемы.

Какой-то местный журналист, уважающий
Из поэтов одного лишь Клопштока,
Написал о них негодную статейку.
Отсюда всё пошло:
поэта осмеяли, и нередко,
Когда он проходил у светлых окон,
Ему на голову падали помои и безобидная
Цыплячья кожа апельсинов.

Но он продолжал жить...
Он знал женщин,
Увидев которых,
мужчины в волнении роняли из рук трости.
На женщин ушла вся сила, молодость и деньги.

Умер он, подымаясь по лестнице на свой
четвертый этаж, —
Любил высоту старина и никогда не пользовался лифтом,
Хотел, чтоб смерть его застала у высот.

1940

РАССКАЗЫ,

которые могут быть приняты за стихи

1

У него, как у глобуса, одна нога,
И женщины, которые встречают его,
Напоминают ему об этом глазами, —
Ни одна из них не хочет принадлежать ему,
Спать с ним в одной постели
И греть ему единственную ногу.
Это получается так потому,
Что рядом ходят
Веселые штабные мальчики,
У них томные глаза,
А усы напоминают
Вскинутые в небо оглобли
Брошенной каким-то незадачливым беженцем телеги.
У них руки и ноги на месте,
А что еще необходимо женщинам,
Которые третий год не видели мужей,
Забыли цвет их глаз
И не помнят их больше, как живых?
Он теперь на всё озлоблен,
Он видит, как страдают солдатки,
От которых деревянным костылем
Он отгоняет по вечерам назойливых штабных.
И как плохо, что он помнит себя молодым, —
Девушки с завистью смотрели вслед ему,
Когда он не спеша,
Докуривая отцовскую трубку,
Шел за село, на мельницу,

Где светловолосая, невозможная русалка
Называла его:

«Ты — мой».

Он знает: теперь не будет больше этого.

Вот почему он очень рано сегодня

Отправился на свой сеновал, —

Эта ночь, как и завтра, и послезавтра, не для него,

И как обидно, что костыль вечно будет стучать

в сухую землю.

2

Я выхожу на улицу,

И первый попавшийся мне на глаза круглый фонарь

Напоминает розовую плешь нашего управдома,

С которым я поругался сегодня

Из-за несчастного лифта,

Позволяющего себе двигаться только в одном,

Да и то ненужном направлении — к земле.

Я часто думаю, что было бы с нами,

Если бы мы не изобрели паровоза, радио.

Аэроплана, сложнейших машин

И прочих весьма интересных вещей,

Которые позволяют нам думать,

Что мы все-таки умные.

Вчера один знакомый счетовод

Уверял меня, что мир до сих пор

Блуждал бы в хаосе цифр,

Если бы кто-то случайно не придумал деньги.

А я сказал ему, что это не так.

Тогда он ушел в свою каморку,

Обозвав меня предварительно шепотом.

Затем я услышал неприятное щелканье —

Он снова работал на счетах.

Когда я об этом рассказал одной женщине,
Она долго хохотала, не подозревая,
Что в эту ночь ей приснится
Мой клетчатый шарф.

3

Он считал, что единственная профессия,
Которую позволительно иметь всякой женщине,
Это — стенография. Он был убежден,
Что все великие пианисты, каких мы знаем,
Начинали со стенографии. Он в это верил,
И с ним нельзя было спорить,
Потому что, если б он узнал, что это — не так,
Он бросил бы свою жену,
Женщину положительную и, кажется, умную,
Владеющую в совершенстве искусством стенографии.

1939

МОНОЛОГ СТАРОГО АКТЕРА

Я представлял Отелло в провинциальном театре,
И местные жители, которм было все в диковинку,
Вплоть до желтой рампы, сходили с ума
от моей игры.

Возможно, это было искренно.
Но мне больше нравился
Бюст той женщины, которая
от имени местных театралов

Принесла мне за сцену цветы.
Я уже тогда знал, что умею нравиться
полным женщинам,

И вел себя вызывающе, а женщины любят грубость.
Жизнь всегда опасна, и особенно
для людей с темпераментом.

В лучшие годы моей славы, когда меня
Уже приглашали в одну столичную труппу,
Я влюбился в актрису, которая играла Эмилию,
Верную служанку Дездемоны.
Из-за нее я отказался от приглашения
в столичную труппу,

И шел, кажется, сотый спектакль,
Когда проклятый мавр, оставив Дездемону,
Погнался за Эмилией,
и пальцы его крепкой руки

Легли на горло неверной жены Яго.
Здесь зрители вмешались в пьесу
И унесли Эмилию мою... Она жива еще,
Лишь горло чуть помято да
Голос хриплый выдает ее.

После этого я не видел больше сцены,
И моими новыми зрителями,
Правда, не всегда внимательными,
Стали мои сотоварищи
по больнице душевнобольных.
Да прости мне старик Шекспир,
Что я нарушил действие великой
Правдивейшей трагедии земли!

1940

ТЕБЕ

Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша,
когда
ты надорвешь конверт армейский белый
с «осьмушкой» похоронного листа...

Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.
Но в нем тебе не нравилась
одна лишь

для женщины обидная черта:
он был поэт, хотя и малой силы,
но был,
любил
и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла

и ни любила, —
так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!

Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудачки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки.

1940—1941

◆

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... и опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

Как жил, кого любил, кому руки не подал,
С кем дружбу вел и должен был кому —
Узнают всё,
Раскроют все комоды,
Разложат дни твои по одному.

1939

В АВГУСТЕ

Берег цвел репейником и илом.
За репей цеплялась лебеда,
и как будто намертво застыла
в черно-синей заводи вода.

Бочаги пугали глубиною,
синей топью угрожала зыбь.
Бурлаками с звонкой бечевою
шли отлогим берегом вязь.

А навстречу — выжженные дали
в неумолчном грохоте войны...
Серебром рассыпанным упали
Бубенцы серебряной луны.

Дымом потянуло из ложбины,
ветер дол тревожил горячо.
Кисти окровавленной рябины
Тяжело свисали на плечо.

1941

Пусть помнят те, которых мы не знаем:
нам страх и подлость

были не к лицу.

Мы пили жизнь до дна

и умирали

за эту жизнь,

не кланяясь свинцу.

1941

Ни наших лиц, ни наших комнат...
Но пусть одно они запомнят:
вокруг московского Кремля
вращалась в эти дни Земля.

30 апреля 1941

Когда к ногам подходит стужа
пыткой —
в глазах блеснет
морозное стекло,
как будто
вместе с посланной открыткой
ты отослал последнее тепло.

А между тем всё жизненно
и просто,
и в память входят славой на века
тяжелых танков
каменная поступь
и острый блеск холодного штыка.

1941

◆

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежим навывтяжку и, приоткрыв гробы,
мы слышим гром предутренней пальбы,
призыв охрипшей полковой трубы
с больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
и ждем приказа нового. И пусть
не думают, что мертвые не слышат,
когда о них потомки говорят.

1941

*О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
и скажут сыну: — Будь прямой!
Возьми шинель —
 покроешь плечи,
когда мороз неспособен.
А тем — прости: им было нечем
прикрыть бессмертья наготу.*

1941

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Турков</i> — слово о поэте	5
Мы	9
Август	11
Творчество	13
Торжество жизни	14
Рождение искусства	16
На родине	18
Одесская лестница	20
После ливня	21
Утрата	23
Весеннее	24
Ветёр	27
«Ты каждый день уходишь в небо...»	28
Стихи про стекольщика	30
В госпитале	31
Тут Горький жил	32
Мой отъезд	34
«Моя земля — одна моя планета...»	36
Обрыв	37
Отелло	39
«В тот день, когда я был еще не твой...»	41
«Я знал одно...»	42
Что значит любить	43
Вокзал	45
Смерть революционера	48
Ленин	49
«Здесь все не так...»	51
«Я был ее. Она еще всё помнит...»	52
«Я лирикой пропах, как табаком...»	53

«Заснуть. Застыть. И в этой стыни...»	54
В солдатчине	55
Дед	56
Волк	57
В вагоне	59
«Все к лучшему. Когда прошла гроза...»	61
«Мне нравится твой светлый подбородок...»	62
Первый снег	63
«Когда умру, ты отошли...»	64
В грозу	65
Как воруют небо	66
Париж весной 1940 года	68
«Тогда была весна. И рядом...»	70
Отцам	71
Изба	73
Баллада о Чкалове	75
Песня	77
Памятник	78
Быль военная	79
Часы	81
В Михайловском	82
Апрель	83
Что я видел в детстве	84
Дождь прошел	86
Солнце	88
«Ты мне о том не говори»	89
Ярославль	90
На востоке	91
На трамвайной остановке	92
Утро	94
Осень	95
История	96
Звезда	97
«Ты пишешь мне в письме, дружище...»	98
«Забудем то, что полюбились людям...»	99
Дом	100
«Не надо слов. Их много здесь говорено...»	101
«Мне только б жить и видеть росчерк грубый...»	102
«Я знал тебя, должно быть, не затем...»	103
На реке	104
«Дыша табачным перегаром...»	105
«Мне снился юг и кипарисы...»	106

«По какой тропинке — не припомню...»	107
Стремление	108
Стол	109
«Никто не спросит, не скостит...»	110
На плоту	111
Пушкин	112
Рембрандт	113
Гоголь	114
Как я любил	116
«На третьей полке сны запрещены...»	117
Комната	118
«Я с поезда. Непроспанный, глухой...»	116
Художник	120
Предчувствие	121
Ревность	122
«С чьей жизнью...»	124
Эпитафия	125
Рассказы	127
Монолог старого актера	130
Тебе	132
«Я не знаю, у какой заставы...»	133
«Как жил, кого любил, кому руки не подал...»	134
В августе	135
«Пусть помнят те, которых мы не знаем...»	136
«Ни наших лиц, ни наших комнат...»	137
«Когда к ногам подходит стужа пыткой...»	138
«Нам не дано спокойно сгнить в могиле...»	139
«О нашем времени расскажут...»	140

Майоров Николай Петрович

МЫ БЫЛИ ВЫСОКИ, РУСОВОЛОСЫ

Редактор П. Голосов
Художественный редактор В. Усов.
Художник В. Кравцов
Технический редактор Н. Шанина
Корректор С. Петренко

Сдано в набор 8 февраля 1969 г. Подписано к печати 23 июня 1969 г. АК06819
Формат бумаги 70×108/32 Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 4,1. Тираж 25000
Заказ 913 Цена 42 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглаволиграфпрома,
г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

42 коп.

42 коп.

